

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ 20-х ГОДОВ XIX в. И ДЕКАБРИСТЫ

О. В. Орлик

Освободительное движение, охватившее Европу в годы борьбы с наполеоновским игом, постепенно приобретало революционные черты и достигло наивысшего подъема в 20-е годы XIX в., когда произошли революции в Испании, Италии, Португалии, активизировались революционные выступления во Франции, усилилось национально-освободительное движение на Балканах, а в России поднялись на открытую вооруженную борьбу с царизмом декабристы. Как подчеркивал В. И. Ленин, период всемирной истории между Французской буржуазной революцией конца XVIII в. и Парижской Коммуной был временем «буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности», эпохой «быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений»¹. Одно из этих движений, движение декабристов, было порождено насущными потребностями страны и направлено против самодержавия и крепостничества. Развиваясь на этой основе, оно явилось выражением подъема общественного сознания в России. Начавшись после победы России в Отечественной войне 1812 г., способствовавшей развитию национально-освободительной борьбы в Европе, это движение было одним из звеньев в общей цепи революционной борьбы против феодального строя. Сами декабристы борьбу с царизмом — одним из главных жандармов Европы — расценивали не только как внутреннюю необходимость, но и как важный фактор в общеевропейском революционном движении против старого строя, как выступление против политики реакционного Священного союза.

Отношение декабристов к европейскому освободительному движению, оценка его опыта давно привлекают внимание исследователей². Акад. М. В. Нечкина, подчеркивая важность освещения связей декабристов с европейским освободительным движением, писала, что «декабристы внимательно прислушивались к этому гулу возраставшей революционной борьбы, учитывали ее опыт. Это было закономерно и положительно ха-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 143.

² А. Н. Ш е б у н и н. Западноевропейское влияние в мирозерцании Н. И. Тургенева. «Анналы», 1923, № 3; С. Н. Ч е р н о в. Поиски сношений декабристов с Западом. «Из эпохи борьбы с царизмом». Сборник 5. Киев. 1926; Н. М. Д р у ж и н и н. Декабрист Никита Муравьев. М. 1933; Б. Е. С ы р о е ч к о в с к и й. Балканская проблема в политических планах декабристов. «Очерки из истории движения декабристов». М. 1954; Л. М. М е д в е д с к а я. Южное общество декабристов и Польское патриотическое общество. Там же; М. В. Н е ч к и н а. Движение декабристов. Тт. I—II. М. 1955; Е. В. Т а р л е. Военная революция на западе Европы и декабристы. Соч. Т. V. М. 1958; С. С. В о л к. Исторические взгляды декабристов. М.—Л. 1958; П. Н. О л ь ш а н с к и й. Декабристы и польское национально-освободительное движение. М. 1959; С. С. Л а н д а. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России. 1816—1821 гг. «Пушкин и его время». Л. 1962; В. М. Т а р а с о в а. Н. И. Тургенев в Западной Европе в 30—50-е годы XIX в. «Ученые записки» Марийского педагогического института. Кафедра истории. Т. XXVIII. Йошкар-Ола. 1966; «Россия и Италия». М. 1968; «Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в.». М. 1968; Ю. Н. Т ы н я н о в. Пушкин и его современники. М. 1969; Г. Л. А р ш. Этеристское движение в России. М. 1970; В. В. П у г а ч е в. О специфике дворянской революционности в России. «Освободительное движение в России». Вып. 1—2. Саратов. 1971; М. И. К о в а л ь с к а я. Движение карбонариев в Италии. М. 1971; С. Н. Р о м а н о в а. Декабристы и революционная мысль в Западной Европе в 20-х годах XIX века (к вопросу о революционных связях). «Вестник» Московского университета, 1975, № 2, и др.

рактизовало жизнеспособность самого движения»³. Большой интерес представляет раскрытие отношения будущих декабристов к западноевропейским революциям начала 20-х годов XIX в., выявление значимости опыта и уроков этих движений для идейной направленности декабристских тайных обществ. Изучение всех этих вопросов дает возможность показать международное значение движения декабристов и в то же время глубже раскрыть его оригинальные черты, отражавшие протест против самодержавно-крепостнического строя в России.

Западноевропейские революции начала 20-х годов XIX в. оставили глубокий след в жизни Европы. В русском обществе тоже внимательно следили за ходом этих революций, их влияние отражалось на общественной жизни страны. Если правящие круги России сначала были уверены в быстром подавлении революционного очага, вспыхнувшего в 1820 г. в Испании, и в полном безразличии русских к начавшимся на Западе революциям, то вскоре эта уверенность пошатнулась, а затем и исчезла вовсе. Растущую тревогу в правительственных сферах раскрывает письмо царского генерал-адъютанта кн. И. В. Васильчикова П. М. Волконскому, написанное в марте 1821 г.: «Известие о пьемонтской революции произвело здесь сильное впечатление. Люди благоразумные в отчаянии, но большая часть молодежи в восторге от всего того, что происходит, и не скрывает своего образа мыслей. Обстоятельства более чем затруднительны. Замалчивать правду или обманывать себя было бы преступлением... Недовольство всеобщее... Революция в умах совершилась, единственное средство не опрокинуть корабля — не натягивать паруса сильнее, чем позволяет ветер»⁴.

Огромным незабываемым событием стали западноевропейские революции в жизни передовых кругов России, прежде всего будущих декабристов. Образно, ярко писал об этом времени близкий к декабристам А. С. Пушкин: «Тряслися грозно Пиренеи, вулкан Неаполя пылал»⁵. Характеризуя настроение членов тайных обществ в России, М. К. Грибовский сообщал царю в 1821 г. в «Записке о тайных обществах»: члены их «не могли скрыть глупой радости при происшествиях в Испании и Неаполе и готовы были бы на все, чтобы принудить государя... не допустить иметь близкое деятельное участие к успокоению Европы»⁶. В этом доносе была отражена верная мысль — радость членов тайных обществ в связи с успехами революций на Западе, их симпатия к европейским революционерам. Дневники, записки декабристов, их проекты социально-политических программ, а также следственные дела дают огромный материал об откликах декабристов на европейские революции. Эти материалы позволяют увидеть, что более всего привлекало декабристов в революционной борьбе, проследить их критический анализ опыта западноевропейских революций при выработке тактики и программы действий.

Для уточнения отношения декабристов к европейским революциям представляют интерес наблюдения тех из них, кто в начале 20-х годов XIX в. находился в Западной Европе. Известно, например, что в 1820—1821 гг. в Германии, Италии, Франции побывал В. К. Кюхельбекер. Перед его глазами встала грозная картина «вооруженной Свободы, борьба народов и царей»; в Германии он заметил зреющий социальный протест: «Германцы доказали в последнее время, что они любят свободу и не рождены быть рабами...»⁷. В Ницце, входившей тогда, как и Пьемонт, в состав Сардинского королевства, Кюхельбекер узнал о революции в Пьемонте. В написанном в ту пору стихотворении «Ницца» он отразил и радость по поводу революции, и страх за ее судьбу. Кюхельбекер предчувствовал подавление этой революции австрийскими контрреволюционными силами и в то же время боялся дальнейшего развития революции, усиления в ней роли народа. 16 марта 1821 г., покидая Ниццу, он писал «о движении пьемонтских карбонариев». «Бунт Александрии и ропот армии» усилили его опасения относительно размаха народных волнений.

В этих размышлениях Кюхельбекера по поводу пьемонтской революции отразилась противоречивость его взглядов, ограниченность его идеологии дворянского революцио-

³ М. В. Нечкина. Указ. соч. Т. I, стр. 305.

⁴ «Русский архив», 1875, кн. 3, стр. 401—402.

⁵ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. V. М.—Л. 1949, стр. 210.

⁶ «Русский архив», 1875, кн. 3, стр. 426.

⁷ Цит. по: Ю. Н. Тынянов. Указ. соч., стр. 301.

нера. Находясь весной 1821 г. в Париже, бурлившем после процесса над П. Лувелем, заколовшим ненавистного народу реакционера герцога Беррийского кинжалом, после политических манифестаций 1820 г., Кюхельбекер установил контакты с некоторыми французскими либеральными и революционными деятелями, активно вникал в политическую жизнь страны. Во время пребывания в Париже им были прочитаны лекции о русской литературе, в том числе публичная лекция о России, в которой он хотел ознакомить французскую общественность с историческим прошлым и настоящим своей родины. «Для нас наступило время, когда для всех народов существенно взаимное знакомство», — так начал он свою лекцию; обосновывал необходимость политических преобразований в России, Кюхельбекер связывал ее дальнейший путь со всем ходом исторического развития Европы, подчеркивал, что новый «дух времени» не могут задуть ни насилие, ни принуждение, «опыт и история подтверждают эту великую истину» и недалек тот день, когда народ России, как и все угнетенные на Земле, «победит деспотизм и варварство»⁸.

Эта речь произвела впечатление на французов. По воспоминаниям современников, часть слушателей даже бурно аплодировала Кюхельбекеру, а один «седой якобинец... поддержал его пророческими словами: «Берегите себя, юноша! Вы нужны своей родине!»⁹. Кюхельбекеру было запрещено дальнейшее чтение лекций, и по требованию российского посольства он был выслан из Франции. В России же над ним сгущались тучи. Тогда с помощью друзей он был отправлен к генералу А. П. Ермолову на Кавказ, что спасло его в тот момент. На Кавказе в кругу оппозиционно настроенной интеллигенции, группировавшейся вокруг А. С. Грибоедова, он много рассказывал о революционных событиях в Европе.

Очевидцами испанских революционных событий стали моряки из России, которые во время плавания побывали в этой стране. Незадолго до революции, начавшейся в январе 1820 г., здесь находились военные моряки, прибывшие на одном из купленных Испанией у России военных кораблей. Среди моряков был лейтенант русского флота В. П. Романов, опубликовавший свои впечатления о плавании¹⁰. Впоследствии он привлекался к следствию по делу декабристов. В 1824 г., уже после поражения революции в Испании, там побывали моряки фрегата «Проворный». В их числе были будущие декабристы — лейтенант Бестужев в качестве историографа фрегата и А. П. Беляев — младший офицер. «Проворный» в начале августа подошел к Гибралтару. Несмотря на поражение революции, на юге Испании тогда еще чувствовались ее отзвуки. Беляев отразил это в своих «Воспоминаниях», увидевших свет много десятилетий спустя, хотя работа над ними началась еще у берегов Испании. Свои впечатления и наблюдения он излагал в кругу друзей, многие из которых стали участниками восстания 14 декабря 1825 г. в Петербурге.

Русские моряки были свидетелями того, как испанский народ оказывал сопротивление контрреволюционным силам, посланным в страну Священным союзом. В воспоминаниях Беляева есть одно интересное замечание, выражающее мысль о том, что он и его единомышленники не считали Испанскую революцию подавленной и верили в ее продолжение. Так, описывая встречу в Гибралтаре с английскими моряками, он замечал: «Под окном играл оркестр музыки, и когда заиграли марш Риго, то энтузиазм был всеобщий. В это время Испанской революции преследуемые испанские инсургенты жили в лодках на гибралтарском рейде. Лорд Чатам, военный губернатор, старший брат Питта, не позволял им жить на берегу, и многие из офицеров и жителей им помогали; особенно один полковой доктор, прекрасная личность, сидевший за столом возле меня; он знал их всех и доставлял им различные пособия. Тут в наше время были Лопец Баниес, Наварец, Еспиноза, Мана и Вольдес, при нас прибывшие в шлюпке из Тарифы». Воспоминания Беляева проникнуты чувством огромного уважения и восхищения испанскими революционерами, их мужественной борьбой. «После нашего плавания в Испанию в 1824 г., — подчеркивал он, — где мы видели подвижников испанской свободы... где слушали марш Риго и с восторгом поднимали бокалы в его память, мы, конечно, сделались еще большими энтузиастами свободы». В заключи-

⁸ «Литературное наследство». Т. 59. М. 1954, стр. 374.

⁹ Н. И. Г р е ч. Записки о моей жизни. М. — Л. 1930, стр. 462—463.

¹⁰ «Отрывок из походных записок в Испанию флота лейтенанта Владимира Романова». «Отечественные записки», 1820, № 3.

тельных строках Беляев откровенно превозносил дело испанских революционеров, выступавших против феодально-клерикальной реакции. «Революция в Испании с Риуго во главе, исторгнувшая прежнюю конституцию у Фердинанда, приводила в восторг таких горячих энтузиастов, какими были мы и другие»¹¹.

Особенно много заметок по поводу революций на Западе имеется у Н. И. Тургенева, одного из просвещенных людей своего времени, долго жившего за границей и пристально следившего за политическими событиями там и у себя на родине. Из его писем, дневников, записок видно, как велик был интерес Тургенева к этим революциям, какие надежды он и близкие к нему по своим политическим настроениям люди возлагали на их победу. О революции в Испании есть немало записей в дневнике Тургенева за февраль—март 1820 года. Ощущавшийся сначала в России недостаток достоверной информации о ходе испанских событий сказался на его первоначальных размышлениях по поводу перспектив революции. Так, 13 февраля он писал: «В Гишпании восстало несколько полков. Опять ли все погибнет? И надолго ли?» Но 24 марта он уже с радостью отмечал: «Вчера получили здесь известие, что король испанский объявил конституцию кортесов. Слава тебе, славная армия испанская! Слава испанскому народу! Во второй раз Гишпания доказывает, что значит дух народный, что значит любовь к Отечеству... Память о конституции, о свободе будет жить, останется в сердце испанского народа... Может быть, Гишпания покажет возможность чего-нибудь такого, что по сию пору мы почитали невозможностию»¹².

Вполне очевидно, что Тургенев намекал здесь на опыт военной революции. Им была высоко оценена испанская конституция 1812 г., восстановленная революцией. Впрочем, идея военной революции интересовала Тургенева и раньше. Весной 1818 г. он встречался в Петербурге с испанским революционным деятелем Хуаном ван Галеном, говорил с ним на политические темы. От него Тургенев мог узнать подробнее о тактике испанских революционеров в 1808—1814 годах. Замысел активного военного переворота под руководством революционных вождей обсуждался на петербургском совещании Коренной управы «Союза благоденствия». Новая революция в Испании упрочила веру некоторых членов «Союза благоденствия» в идею свершения в России военной революции «наподобие испанской».

«Еще величайшая, всемирная новость» — так характеризовал значение победы испанцев член «Союза благоденствия» П. Я. Чаадаев в письме от 25 марта 1820 г. к брату. — Испанская революция окончилась, король принужден был подписать конституционный акт 1812 г. Весь народ восстал, революция совершилась в три месяца, и не пролито ни капли крови... Это прекрасный аргумент в пользу революций. Но во всем этом есть кое-что, очень близко нас касающееся. Сказать ли, что именно? Должен ли я довериться этому листку, который может оказаться нескромным. Нет, я предпочитаю помолчать»¹³. Как отражение роста революционных настроений в «Союзе благоденствия» стало распространение в нем стихотворения «К Чаадаеву» А. С. Пушкина, тогда члена «Зеленой лампы» — побочной управы союза. Написанное раньше, оно широко разошлось именно в 1820 году. В нем звучали призыв к активной борьбе против самодержавия, уверенность в падении старого строя: «Россия вспрянет ото сна, и на обломках самовластья напишут наши имена!»¹⁴. Рост русской освободительной мысли, развитие политической борьбы в Европе отразились на творчестве молодого поэта. В конце 1810-х — начале 1820-х годов им были созданы такие выдающиеся вольнолюбивые произведения, как «К Чаадаеву», «Noël», «Деревня», «Кинжал», и другие.

Особенности эпохи, в которой происходили европейские революции 1820-х годов на Западе и развивалось движение декабристов в России, порождали тактику военной революции. Это определялось не только тем, что в Испании и России было слабо представлено третье сословие, а крестьянство задавлено, опутано цепями феодального и религиозного гнета. Одна из причин выдвижения идеи военной революции корени-

¹¹ А. П. Беляев. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. «Русская старина», т. XXX, 1881, № 1, стр. 9, 23; № 3, стр. 488.

¹² Н. И. Тургенев. Дневники и письма. Т. III. Птгр. 1921, стр. 223, 226.

¹³ Цит. по: В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб. 1909, стр. 244.

¹⁴ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. I. М.—Л. 1949, стр. 338.

лась и в определенной реакции европейских революционеров первой четверти XIX в. на Французскую буржуазную революцию. Не сумев в силу своей классовой ограниченности объективно проанализировать ее опыт и уроки, они не поняли роли народа в революции, боялись его активного самостоятельного участия в ней. Опыт революций на Западе помогал декабристам конкретизировать идею военной революции в соответствии с условиями России и задачами свержения самодержавно-крепостнического строя. Брожение в российской армии, особенно явственно проявившееся в выступлении солдат Семеновского полка в Петербурге в октябре 1820 г., а также в волнениях Московского, Измайловского и Преображенского полков, свидетельствовало о возможности использования армии при революционном перевороте. Состоявшие в основном на военной службе, будущие декабристы были хорошо осведомлены о настроениях в войсках. Многие из них, в том числе С. П. Трубецкой, И. Д. Якушкин, И. И. Пущин, С. И. и М. И. Муравьевы-Апостолы, Ф. П. Шаховской, М. П. Бестужев-Рюмин и другие, служили в Семеновском полку.

В 1820 г. на петербургском совещании Коренной управы «Союза благоденствия» был поставлен вопрос о переходе к тактике военной революции. Идея ее была развита созданным весной 1821 г. Южным обществом и организационно оформленным в 1822 г. Северным обществом декабристов. Этому способствовала обстановка в России. С конца 1810-х — начала 1820-х годов усилилась репрессивная политика царизма. Свидетельство тому — аракчеевщина. В ответ ширилось антикрепостническое крестьянское движение, происходили волнения среди рабочих, участились случаи неповиновения солдат. Испанская революция привлекла столь большое внимание будущих декабристов не только тем, что она ярко продемонстрировала возможность достижения победы путем военной революции, но также и тем, что революция в Испании продолжалась несколько лет и была подавлена только внешними силами. Убедительно раскрыл значение революции в Испании для прогрессивных сил тогдашней Европы акад. Е. В. Тарле: «Впервые обнаружилось с непререкаемой ясностью, что идеи Великой Французской революции не убиты и не похоронены, а, напротив, обнаруживают удивительную живучесть; впервые с самого конца Французской революции демонстрировалось, как, в сущности, шатки троны и алтари, как мало уверены в себе их защитники, как неустойчив созданный Священным союзом порядок вещей»¹⁵.

Будущие участники декабристского восстания подчеркивали нарастание энтузиазма в их среде в связи с расширением региона революционных преобразований в Европе — началом революций в Португалии (1820 г.), на Апеннинском полуострове (1820—1821 гг. в Неаполе, 1821 г. в Пьемонте), благодаря подъему революционной борьбы греческого народа, а также в связи с обострением политической борьбы во Франции и Германии. Н. И. Тургенев очень образно описал настроения того времени: «Мы дышим новостями европейскими. Ими только у нас и занимаются... Во Франции открыт новый заговор. Но по сие время известия о нем сбивчивы и неясны. Здесь прошел слух о каких-то арестациях в Берлине; но несправедливо. Все говорят, что будет конгресс, но неизвестно где. В Монитере помещено рассуждение о различиях революций гишпанской и неаполитанской». «В «Инвалиде» сегодня есть известия о народном движении в Португалии... Все говорят, что в Португалии должно было ожидать того, что случилось»¹⁶.

В последующие годы декабристы отмечали немаловажную роль итальянских революций в формировании их мировоззрения. Об этом сохранились высказывания П. И. Пестеля, А. В. Поджио, М. Ф. Орлова, В. Ф. Раевского, В. И. Штейнгеля, Н. И. Тургенева и многих других декабристов. В 1820 г. революционным событиям уделялось особенно большое внимание в Кишиневской управе, объединившей наиболее радикально настроенных членов «Союза благоденствия». М. Ф. Орлов отмечал, что «американский федерализм, гишпанские происшествия и неаполитанская революция играли большую роль во всех их разговорах». Член этой управы В. Ф. Раевский во время следствия обвинялся также в том, что «восхищался итальянскими происшествиями и изъявлял желание такие же новости завести в России»¹⁷. Под этими «новостями»

¹⁵ Е. В. Тарле. Указ соч., стр. 10.

¹⁶ «Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу». М.—Л. 1936, стр. 312—313; В. И. Семевский. Указ соч., стр. 245—246.

¹⁷ В. Ф. Раевский. Сочинения. Ульяновск. 1961, стр. 281.

царский суд подразумевал стремление к введению в России революционным путем конституционного устройства.

Весьма эмоционально переживал подъем революционной борьбы в Италии декабрист-итальянец А. В. Поджио, много лет проживший в Одессе, где он часто общался со своими соотечественниками. В его ответах следственному комитету по делу декабристов говорится; что «Испания, Неаполь, Пьемонт, Греция вслед одни за другими приняли образ свободного правления; с тех пор журналы с рук моих не сходили». Раскрывая свой образ мыслей, Поджио говорил о воздействии на него прежде всего окружавшей российской действительности; особенно тяготило его положение крепостных крестьян. Вместе с тем он отмечал и влияние европейских революций, которые содействовали стремлению увидеть свою страну освобожденной от самодержавно-крепостнического гнета. «Впал в сравнения,—писал он в ответе на вопросы следственного комитета,— и тут стал убеждаться в необходимости видеть и свое отечество... наряду с просвещеннейшими народами»¹⁸. Одобряя политику испанских и итальянских карбонариев, проводимую ими в ходе революций, Поджио в то же время высказывал мысли о несовершенстве строя конституционной монархии, утвердившегося в этих странах, и поддерживал идею республики. Он был решительным противником доверия монархам, которое оказывали революционеры в Испании и Италии и которое было использовано этими монархами во вред революциям. Несмотря на поражение революционных выступлений в этих странах, Поджио горячо верил в то, что такое явление временно, ибо «там стоит в запасе сил необоримый карбонаризм, который обратился в кровь и плоть народа!»¹⁹. Он считал, что революционный переворот в России, задуманный декабристами, будет иметь также важное значение для нового подъема революционной борьбы в Европе, и приложил много усилий для его подготовки.

Наиболее дальновидные карбонарии понимали необходимость установления контактов с деятелями освободительного движения в России. Так, «не забывая Россию» просил в письме к своему другу Г. Орелли (18 августа 1818 г.) один из виднейших деятелей карбонаризма, Дж. Прати. В список, составленный следственным комитетом по делу декабристов, был включен итальянец карбонарий М. Джили. После неудачи ряда карбонарских выступлений 1817—1818 гг. он был вынужден бежать из Италии. По показанию декабриста М. Д. Лаппы, в конце 1819 г. М. Джили принял его в одно тайное общество в России, цель которого «есть приготовление народа к принятию конституции»²⁰. Это была конспиративная организация, один из филиалов «Союза благоденствия». По показанию ее члена Г. А. Перетца, с Джили был связан и декабрист Д. А. Искрицкий, которого он посвящал в деятельность тайных зарубежных обществ, а особенно карбонариев. Перетц сообщал также, что члены общества интересовались национально-освободительной борьбой европейских народов, обсуждали вопросы «о Священном союзе и о делах Испании и Италии. Все единогласно порицали меры правительства»²¹. Несомненно, что участие Джили в обществе активизировало внимание к этим вопросам.

Проникновение идей карбонаризма в Россию, проходившее по разным каналам, в том числе, видимо, через личное общение деятелей карбонарского движения с декабристами, встревожило царское правительство. Не случайно весной 1826 г. Николай I в беседе с пьемонтским посланником в Петербурге графом ди Салем несколько раз подчеркивал, что «следствие, которое ведется здесь, обнаружило лишь один факт существования прямых связей с Италией, но исповедуемые ими принципы те же, что и у карбонариев»²². Так, признавая, что среди всех западноевропейских революций Испанская получила наибольший отзвук в декабристской среде, нельзя не учитывать значительного интереса декабристов к итальянским и португальским революционным событиям. Это подтверждают также исследования современных итальянских историков Ф. Вентури и Дж. Берти²³.

¹⁸ «Восстание декабристов». Т. XI. М.—Л. 1954, стр. 37.

¹⁹ А. В. Поджио. Записки декабриста. М.—Л. 1930, стр. 88.

²⁰ М. И. Ковальская. Указ. соч., стр. 197.

²¹ В. Н. и Л. Н. Перетц. Декабрист Григорий Абрамович Перетц. Биографический очерк. Документы. Л. 1926, стр. 67.

²² М. И. Ковальская. Указ. соч., стр. 199.

²³ F. Venturi. Il moto decabrista e i fratelli Poggio. Torino. 1956; e j u s d. Destutt

К опыту европейских революций 20-х годов XIX в. будущие декабристы обращались вплоть до самого восстания 14 декабря 1825 года. Много важных наблюдений они получили из анализа хода революционных движений на Западе при разработке тактики военной революции применительно к условиям России. Оценка декабристами опыта военных революций начала 20-х годов XIX в. показала разное понимание ими метода военной революции. Испанская революция, в которой роль армии была не просто главной, но решающей, убеждала декабристов в возможности проведения военной революции в России и потому находилась в центре их внимания. Ряду декабристов, в том числе Н. И. Тургеневу, импонировали в этой революции прежде всего ее якобы праздничность, бескровный характер. Однако большинство декабристов понимало нереальность такого хода событий в России. Они представляли себе, что государственный переворот может быть осуществлен только в результате военного восстания, «в дыму, в крови, сквозь тучи стрел», и отчасти пытались активизировать участие солдат в движении, сделав это участие более осознанным.

Солдатским массам в восстании декабристы не отводили роли самостоятельной активной силы. Тем не менее они предполагали ведение политической пропаганды в армии, просвещение солдат, ознакомление их с целями восстания. Декабристами был написан ряд агитационных произведений, обращенных «к воинству и народу». Некоторые из них были составлены в манере испанского «Катехизиса» 1808 года. Н. М. Муравьев в 1820 г. работал над текстом «Любопытный разговор», В. Ф. Раевский в 1822 г. писал «О солдате». Составленный С. И. Муравьевым-Апостолом в форме вопросов и ответов «Православный катехизис» был зачитан 31 декабря 1825 г. солдатам восставшего Черниговского полка. Он носил ярко выраженный антисамодержавный характер. Однако попытки агитации среди солдат только начинали предприниматься. К тому же, по мнению декабристов, революция должна быть совершена для народа, но не самим народом. Основная роль при ее проведении отводилась офицерскому составу. Не случаен столь большой интерес декабристов к именам военных руководителей Испанской революции Р. Риго-и-Нуньеса и А. Кироги, неаполитанского генерала Г. Пепе.

Вместе с тем в декабристской среде раздавались и такие заявления, которые свидетельствовали о появлении демократических тенденций. Так, на основании показаний Д. И. Завалишина видно, что член Северного общества К. Ф. Рылеев уже сомневался в целесообразности проведения чисто военного восстания, полагая, что оно должно получить поддержку в широких кругах населения страны. «Ежели переворот делается военной силою, то власть и останется в ее руках, и это весьма ненадежно, сейчас можно сделать контрреволюцию... Надлежит, конечно, иметь военную силу на своей стороне,— отмечал Рылеев,— но переворот должен быть сделан гражданским состоянием, тогда он только будет прочен»²⁴. Эти идеи звучали и в «Обществе соединенных славян». Члены этого общества «в народе искали... помощи, без которой всякое изменение» считали «непрочным», «собственным же своим положением убеждались, что частная воля, частное желание — ничтожны без сего всемогущего двигателя в политическом мире»²⁵.

Однако на практике, в своей тактике (и это отчетливо показало восстание на Сенатской площади) декабристы не вышли за рамки военного переворота. В. И. Ленин, подчеркивая сугубо военный характер восстания декабристов в 1825 г. и разбирая его специфику, писал: «Особенно интересно сравнить военные восстания в России 1905 года с военным восстанием декабристов в 1825 году. Тогда руководство политическим движением принадлежало почти исключительно офицерам, и именно дворянским офицерам; они были заражены сопереживанием с демократическими идеями Европы во время наполеоновских войн. Масса солдат, состоявшая тогда еще из крепостных крестьян, держалась пассивно»²⁶. Действия декабристов были отмечены печатью дворянской ограниченности. Не случайно исход восстания декабристов в России, как и других военных революций в Европе, способствовал выдвижению перед последующими поколениями ре-

de Tracy e le rivoluzioni liberali. «Rivista storica italiana» (Napoli), 1972, № II; Дж. Берти. Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М. 1959.

²⁴ «Восстание декабристов». Т. III. М.—Л. 1927, стр. 371.

²⁵ И. И. Горбачевский. Записки. Письма. М. 1963, стр. 34.

²⁶ В. И. Ленин. ИСС. Т. 30, стр. 318.

волюционеров в число важнейших теоретических и практических проблем вопроса, поставленного еще Французской буржуазной революцией, — о роли народа в революции.

С начала 20-х годов XIX в. декабристы поставили на повестку дня проблему — в каких центрах произойдет будущее военное восстание в России. (Разрабатывая эту проблему, они изучали опыт Испанской, Португальской, Итальянской революций, а также ход греческого восстания под руководством А. Ипсиланти в княжестве Молдавии; рассматривались маршруты движения революционных полков Риго, Кироги, Пепе, Ипсиланти. При разработке вопроса о месте сосредоточения революционных сил и начале восстания декабристы выдвинули два варианта: так называемый периферийный и столичный. Эти варианты активно обсуждались в Южном и Северном обществах. Они стояли во главе угла при выработке «Плана действия», намеченного на 1826 год²⁷. В ходе составления планов восстания в Северном и Южном обществах в 1824—1825 гг. было принято решение действовать совместно, предусматривалось осуществление общего плана выступления из Петербурга. Однако внезапное развитие событий — смерть Александра I, приведение населения к присяге Константину, а затем назначенная «переприсяга» Николаю I — поставило вопрос о необходимости немедленного революционного выступления.)

С разработкой планов восстания был тесно связан вопрос о ликвидации правящей династии. Декабристы знали о печальном опыте испанских и итальянских революционеров. Тем не менее этот вопрос явился объектом жарких споров и разногласий. О нем размышляли еще в «Союзе благоденствия», особенно остро обсуждали его в Южном и Северном обществах. Данный вопрос занял особое место на совещании Южного общества в Каменке 24 ноября 1823 г., на котором разбирались причины поражения Испанской и других революций. Присутствовавшие на этом заседании П. И. Пестель, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин, С. Г. Волконский, В. Л. Давыдов пришли к заключению не следовать «дурному примеру Испании и оградить себя от возможности неудачи». Уроки европейских революций стали предметом горячего обсуждения среди членов Северного общества. «Испанцы сделали глупо, что понадеялись на слова, выпустили из рук короля»²⁸, — говорил Д. И. Завалишин. Однако идея царубийства в планах военной революции в России встретила противодействие со стороны части членов общества. Например, С. П. Трубецкой «меру сию» назвал «ужасным поступком», считая, что она не соответствует дворянской этике и подорвет доверие в «обществе» к восставшим²⁹.

«Не сразу, но тем не менее твердо принял идею царубийства при разработке плана восстания К. Ф. Рылеев. Его стихотворения тех лет проникнуты настроениями тираноборчества. В них постоянно присутствуют образы Брута, Катона, Риго. «Я должен сознаться, — признавался Рылеев, — что после того, как я узнал о намерениях Якубовича и Каховского, мне самому часто приходило на ум, что для прочного введения нового порядка вещей необходимо истребление всей царствующей фамилии»³⁰. П. Г. Каховский писал из Петропавловской крепости за несколько месяцев до казни, что поведение короля Фердинанда VII по отношению к герою Испании Р. Риго, спасшему в июне 1823 г. короля от смерти и вскоре погибшему, укрепило его уверенность, что «с царями народам делать договоров невозможно». «Риго ручается кортесам за короля, — замечал Каховский, — его освобождают, и что же, какой первый шаг Фердинанда? Риго приказанием его схвачен, арестован, отравлен и полумертвый святой мученик, герой, отрекшийся от престола, ему предлагаемого, друг народа, спаситель жизни короля, по его приказанию на позорной телеге, ослом запряженной, везен был через Мадрид и повешен как преступник. Какой поступок Фердинанда! Чье сердце от него не содрогнется?»³¹.

Предательство со стороны испанского, а также итальянского короля, который получил возможность поехать на Лайбахский конгресс Священного союза для урегулирования отношений с Австрией и поддержал там контрреволюционную интервенцию в Италию, немало способствовало усилению тираноборческих настроений среди декабристов,

²⁷ М. В. Нечкина. Указ. соч. Т. II, стр. 125—132.

²⁸ «Восстание декабристов». Т. III, стр. 340.

²⁹ «Восстание декабристов». Т. I. М.—Л. 1925, стр. 87.

³⁰ Там же, стр. 188.

³¹ «Из писем и показаний декабристов». СПб. 1906, стр. 13.

утверждению многих из них в необходимости ликвидации царствующей династии в России. Эти вопросы дебатировались и накануне 14 декабря и в день самого восстания. Однако судьба царской фамилии не была решена единодушно и окончательно. Это отразилось на действиях восставших.

Придя к решению о свержении самодержавия в России революционным путем, декабристы увидели необходимость дальнейшей разработки и углубления своих политических проектов. Первая половина 20-х годов XIX в. стала временем напряженной, интенсивной работы в Южном и Северном тайных обществах над этими проектами. Процесс создания конституционных проектов декабристов — конституции Н. М. Муравьева и «Русской правды» П. И. Пестеля — был длительным и сложным. При выработке своих политических программ декабристы опирались на исторический опыт России, исходили из тех важнейших насущных задач, которые стояли перед ней. Они использовали идейное наследие передовых мыслителей своей страны, своего великого идейного предшественника А. Н. Радищева. В то же время они испытывали влияние передовых идей других стран. В тесной связи с критическим изучением наследия Европы, особенно с анализом теоретического и политического опыта Франции, а также опыта западноевропейских революций XIX в., национально-освободительной борьбы греческого и славянских народов, шло формирование конституционных проектов декабристов.

Политические программы европейских революций стали как бы первым пробным камнем жизнеспособности, действенности разрабатывавшихся декабристами проектов. Вместе с тем они еще более оттенили оригинальность этих проектов, учитывавших реальность исторической обстановки в России. Многим декабристам, особенно на ранних этапах движения, импонировала идея конституционно-монархического устройства отчизны. Эта идея получила в первой четверти XIX в. широкое распространение и поддержку в прогрессивных европейских кругах. Истоки концепций конституционно-монархического строя как якобы наиболее прогрессивного по тем временам строя уходили в XVIII в. и были связаны с французскими энциклопедистами. Идея монархии, несколько ограниченной конституцией, нашла отражение в трудах либеральных писателей и европейских политических деятелей XIX века. Выступая против восстановления легитимных монархий, они в то же время были и против активного участия широких слоев населения в политической жизни страны.

В России непримиримым врагом самодержавия был А. Н. Радищев. Он показал, что «самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние»³², ибо оно разрушило принципы естественного равенства и общественного договора. Отстаивая, как и Ж.-Ж. Руссо, идею народного суверенитета, Радищев проводил идею «народного правления». Эти запретные идеи были известны декабристам, испытывавшим на себе влияние его воззрений, но так и не поднявшимся до радищевского понимания роли народа в истории, в революции. Ими внимательно изучались также различные русские конституционные проекты, принадлежавшие представителям различной политической ориентации, в том числе проект Н. И. Панина, планы преобразования государственного строя М. М. Сперанского, Уставная грамота Н. Н. Новосильцева. Определенное воздействие на декабристов оказали проекты М. Ф. Орлова и М. А. Дмитриева-Мамонова, создавших на рубеже 1814—1815 гг. «Орден русских рыцарей», а особенно члена «Союза спасения» М. Н. Новикова, отстаивавшего идею республики.

В поисках наиболее приемлемой для России формы государственного строя, которая могла бы быть установлена после низвержения самодержавного режима, декабристы не только изучили, но и критически проанализировали различные системы современного им правления в ряде стран. Как писал А. В. Поджио, в период формирования его политического вольнодумства он, как и другие декабристы, жадно, «с умом тайным и любознательным», «изучал политическую экономию, право, одним словом все, что касается до составления и управления общества вообще». Затем его особенно увлекли различные системы государственного строя, для чего он «прибегнул к Делолму, Констану», к анализу «прений палаты депутатов во Франции и всех суждений издателей «Constitutionnel». К изучению государственного строя США обратились Н. М. Муравьев, П. И. Пестель и другие.

³² А. Н. Радищев. Избранные сочинения. М.—Л. 1949, стр. 3.

Отечественная и зарубежная печать много писала о современном политическом устройстве разных стран, публиковала тексты действовавших конституционных законов. При обсуждении политических проблем раскрывалось отношение декабристов к этим конституциям. Так, некоторые декабристы подвергали критике конституционно-монархический строй Англии и Франции, называя его «устаревшим», не соответствовавшим «теперешнему просвещению народов», которое требует «большей свободы и совершенства в управлении»³³. Английскую государственность они определяли как «чрезвычайно тяжкую для народа» и «согласную с пользою одной аристократии». Наряду с признанием положительного значения введения во Франции конституции 1814 г. некоторые декабристы и на нее смотрели с критических позиций, показав, что во Франции и Англии конституционные акты суть только покрывала, никак не воспрепятствующие министерству в Англии и королю во Франции делать все, что они пожелают³⁴. Более положительные оценки были даны декабристами испанской конституции 1812 года. Текст этой конституции появился в «Сыне Отечества» в 1813 году. Тогда, особенно в начале 20-х годов XIX в., она привлекла пристальное внимание передовых людей России. Требование восстановления конституции 1812 г. или введения ей подобной стали основными политическими требованиями революции в Испании, Португалии, в ряде государств Италии.

Испанская конституция была весьма прогрессивной для своего времени. В 384 ее статьях воплотилась передовая мысль современной Испании. Она носила антифеодальный характер, открывала дорогу для развития капиталистических отношений. Прежде всего эта конституция разрушала принцип легитимизма. Уничтожая абсолютную монархию и утверждая конституционно-монархический строй, она объявила носителем верховной власти народ, установила разделение властей и значительно ограничила власть короля. Законодательную власть представляли однопалатные кортесы. Правительство назначалось королем, но было ответственно перед кортесами. При несомненно прогрессивном характере этой конституции в целом, в ней имелись отдельные консервативные и даже реакционные положения, прежде всего в области решения религиозных вопросов: она утверждала католическую религию в стране. Принятие конституции 1812 г. стало началом провозглашения в Испании ряда прогрессивных, антифеодальных законов, прежде всего по аграрному вопросу. Шедшая в кортесах борьба вокруг реформ свидетельствовала о сложности воплощения в жизнь новых законов, а главное — о нерешенности вопроса экспроприации крупных земельных владений. В результате крестьянство не было прочно привлечено на сторону революции, а испанская конституция явилась скорее важнейшим документом эпохи, символом, но не претворенной в жизнь политической программой. Как писал К. Маркс, «на острове Леон³⁵ — идеи без дел, в остальной Испании — дела без идей»³⁶.

По своему содержанию испанская конституция 1812 г. представляла как бы одну из вариаций буржуазной конституции 1791 г. — времени Французской буржуазной революции, но приспособленной к эпохе начала XIX в. и социально-экономическим условиям стран с более низким уровнем общественного развития. При разработке испанской конституции ее создателями был учтен резонанс, вызванный конституцией 1791 года. Страх перед якобинской диктатурой 1793—1794 гг. наложил отпечаток и на идеологию испанских революционеров. Это проявилось в разных областях мировоззрения, в том числе в политических идеях, что отчетливо видно на примере конституции 1812 года. Испанские мыслители, работавшие над нею, взяв за основу конституцию 1791 г., в то же время внесли в нее ряд новых элементов. Они сами свидетельствовали о придании ей несколько большей демократичности, но в такой форме, которая на практике не дала бы возможность значительно развиться политической инициативе народа, оказать существенное влияние на социально-политическую жизнь страны. Видимо, как раз в этом заключались причины столь широкого внима-

³³ «Восстание декабристов». Т. XI, стр. 37; т. I, стр. 178, 183.

³⁴ П. И. Пестель. Из показаний. «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов». Т. II. М. 1951, стр. 166.

³⁵ Этот остров расположен у Кадиса, где в 1810 г. произошли первые заседания кортесов и началась разработка конституции.

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 10, стр. 452.

ния образованного дворянства к испанской конституции в 20-х годах, во время подъема революционной борьбы на Западе и формирования декабристского движения в России.

Анализируя причины рождения довольно прогрессивной для того времени конституции в «монашеской и абсолютистской» Испании³⁷, следует указать прежде всего на то, что она появилась в обстановке подъема антинаполеоновского национально-освободительного движения, а это способствовало на какое-то время усилению влияния передовых, антифеодальных идей³⁸. Сравнение основных положений испанской конституции с некоторыми современными ей законодательствами тоже раскрывает ее прогрессивность и в известной степени демократичность. Так, по французской хартии 1814 г. власть короля была ограничена значительно меньше. Эта хартия обеспечивала господство крупных землевладельцев, дворян и отчасти крупной буржуазии. Она, в отличие от испанской, не только не объявляла народ носителем верховной власти, но даже заявляла, что подарена нации королем по его доброй воле. Декабристы высоко оценивали антифеодальные идеи испанской конституции. Однако в то же время часть декабристов не разделяла преклонение кадисских кортесов перед монархом, выдвигала и отстаивала идею республики. Но прежде всего декабристы разрабатывали планы, которые обеспечили бы воплощение в жизнь их политической программы.

После подавления Французской буржуазной революции конца XVIII в. республиканские идеи пробивали себе дорогу не сразу. В России они поддерживались последователями А. Н. Радищева, на Западе — левым крылом итальянских и французских карбонариев и их радикально настроенными единомышленниками. Отстаивая республиканские идеи, эта часть карбонариев подвергла критике конституционно-монархический строй, который, как показывала сама жизнь, в общем-то лишь создавал иллюзию политического участия народа в жизни страны. С республиканскими идеями были знакомы многие представители декабристского движения. Часть декабристов разделяла эти идеи, что видно, например, из их отношения к политическим воззрениям американских правоведов, к взглядам французского публициста и философа Детю де Траси, поддерживавшего идею «республики, основанной на народном представительстве». Книга Детю де Траси «Комментарий к «Духу законов» Монтескье», написанная по предложению Т. Джефферсона, стала для декабристов, по определению М. Ф. Орлова, «высшей степенью премудрости»³⁹. Самой же важной была не только поддержка республиканских идей в принципе, а и проведение этих идей декабристами в революционном конституционном проекте — «Русской правде» Пестеля. В этом документе, который Пестель и большинство членов Южного общества рассматривали как наказ будущему революционному правительству, проявились наиболее отчетливо и полно программные установки радикально настроенного крыла декабристов. Они раскрываются при их сравнении с основными положениями действовавших в ту пору европейских политических законодательств, а также при сравнении с основами другого декабристского политического проекта — конституции Н. М. Муравьева.

Конституция Муравьева отличалась от «Русской правды» уже тем, что после предстоящего революционного ниспровержения старых порядков она утверждала строй конституционной монархии с федерацией областей и, как и ряд других прогрессивных для того времени политических законодательств, провозглашала народ единственным источником верховной власти, которому принадлежало «исключительное право делать основные постановления для самого себя». Во вступлении к первому варианту документа обосновывалась необходимость ликвидации самодержавно-крепостнического строя в России: «Все народы европейские достигают законов и свободы. Более всех их народ русской заслуживает и то и другое». Заявив о ликвидации крепостного строя («Крепостное состояние и рабство отменяются. Раб, прикоснувшийся земли русской, становится свободным»), эта конституция выдвигала принцип юридического равенства всех перед законом, отмену сословных различий, свободу печати, неприкосновенность личности и т. д. Законодательная власть, согласно конституции, предоставлялась двухпалатному парламенту — «Народному вече, состоящему из верховной Думы и Палаты народных представителей»; исполнительная власть — наследственному императору,

³⁷ Там же, стр. 458.

³⁸ И. М. Майский. Испания. М. 1957, стр. 79—84.

³⁹ М. Ф. Орлов. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М. 1963, стр. 85.

который считался только «верховным чиновником Российского государства»⁴⁰; его полномочия были более ограничены, чем компетенция королей согласно конституциям ряда европейских стран.

Уроки европейских революций показали также необходимость значительного ограничения прерогатив верховной власти в области внешней политики. «Кроме мирных трактатов, отчетов, представляемых Народному вечу о состоянии России, предложения мер или издания законов, грамот посланникам, чиновникам империи и законов, учрежденных Народным вечем, император не подписывает ни одной бумаги», — утверждала X глава этой конституции. В ней же говорилось о запрещении императору выезжать за пределы России ввиду «важных неудобств» — возможности действовать во вред интересам российского народа⁴¹. Примером того было предательское поведение короля Фердинанда I по отношению к своей стране на Лайбахском конгрессе Священного союза. В конституции Муравьева прослеживается общность некоторых ее положений с идеями французской конституции 1791 г., американской 1787 г. и испанской 1812 года. Однако это отнюдь не свидетельствует о прямом подражании упомянутым образцам. Конституция Муравьева была оригинальным политическим документом, отражавшим представления автора и его единомышленников о характере будущего государственного устройства России.

Анализ конституции Муравьева позволяет сделать вывод, что провозглашаемая ею конституционная монархия по своим основным принципам была близка принципам республики с президентом во главе. Ж.-Ж. Руссо писал, например, что он считает «республикой всякое государство, управляемое законами в какой бы то ни было административной форме»⁴². Один из руководителей Северного общества, К. Ф. Рылеев, защищая республиканские принципы политического строя, в то же время допускал возможным сохранение названия монархии. Как он говорил П. И. Пестелю, «удобнейшим для России кажется областное (правление. — О.О.) Северо-Американской республики при императоре, которого власть не должна много превосходить власти президента Штатов». В этом же Рылеев убеждал Н. М. Муравьева, считая полезным «сделать в написанной им Конституции некоторые изменения, придерживаясь Устава Соединенных Штатов, оставив, однако, формы монархии»⁴³. В действительности политический строй, обрисованный конституцией Муравьева, был далек от упрочения прав всех граждан. Его идеи общественных прав, политических свобод были классово ограниченными. И все же очевидно, что эта конституция наносила удар самодержавно-крепостническим порядкам, расчищала дорогу капиталистическому развитию.

Значительно более прогрессивной по своему содержанию была республиканская программа, развитая в «Русской правде» Пестеля. Критика формального характера демократизма, который утверждали действующие конституции зарубежных стран, а также жаркие споры среди декабристов по поводу основ конституционной программы Н. М. Муравьева способствовали вырезанию более радикальных политических взглядов у П. И. Пестеля, поиску им тех путей, которые, по его представлению, могли установить действительное народовластие. Ссылаясь на недавние события в Европе, Пестель подчеркивал, что «присшествия в Неаполе, Гишпании и Португалии» дали ему «неоспоримые доказательства в непрочности монархических конституций и полные достаточные причины к недоверчивости к истинному согласию монархов на конституции, ими принимаемые. Сии последние соображения укрепили меня весьма сильно в республиканском и революционном образе мыслей»⁴⁴. Критически изученный опыт европейских революций был использован Пестелем при дальнейшей работе над его конституционным проектом, ставшим одним из наиболее ярких и оригинальных политических документов той эпохи.

«Русская правда» решительно высказывалась против самодержавного правления и провозглашала республику. При этом Пестель отстаивал такую форму республиканского строя, при котором были бы исключены политические преимущества дворянства. Одной из первостепенных задач он считал введение равенства всех граждан перед

⁴⁰ Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 328.

⁴¹ Там же, стр. 338.

⁴² Ж.-Ж. Руссо. Общественный договор. М. 1906, стр. 27.

⁴³ «Восстание декабристов». Т. I, стр. 175, 178, 211.

⁴⁴ Там же. Т. IV. М.—Л. 1927, стр. 91.

законом и ликвидацию сословий. «Все люди в государстве должны составлять только одно сословие, могущее называться гражданским, — и ...все граждане в государстве должны иметь одни и те же права и быть перед законом все равны». Прежде всего уничтожилось крепостное право. Во второй редакции «Русской правды» был углублен вопрос о порядке освобождения крестьян, о решении земельного вопроса. Являясь последовательным приверженцем республики, Пестель предусматривал для России прогрессивный государственный строй с однопалатным Народным вече́м и исполнительной властью в лице Державной думы из пяти лиц. Каждый год из Думы выбывал один член, а на его место избирался новый, причем всякий ее член в последний год пребывания в ней становился на год президентом. Россия должна была стать «единым и неразделимым» государством. Всякая мысль о федерации решительно отвергалась ее автором, поскольку она ассоциировалась у него с временами раздробленности Русского государства, с удельной феодальной системой.

Политическая программа Пестеля была оригинальной и в целом весьма радикальной для той исторической эпохи, а особенно для той среды, в которой она возникла. Она в большей степени, чем другие современные ей конституции, утверждала идеи народного суверенитета и народоправства. Поэтому не случайными были такие жаркие споры по поводу основных положений «Русской правды» в декабристской и околодекабристской среде. В этой связи интересно замечание И. Д. Якушкина, который знал о реакции на «Русскую правду» либерально настроенного П. Д. Киселева (с ним был близок Пестель), на чью поддержку декабристы рассчитывали при создании в будущем Верховного временного революционного правительства. «Некоторые отрывки из Русской правды он (Пестель.— О. О.) читал Киселеву, — писал Якушкин, — который ему однажды заметил, что царю своему он предоставляет уже слишком много власти. Под словом «царь» Пестель разумел исполнительную власть»⁴⁵.

Республиканские взгляды декабристов были высоко оценены В. И. Лениным. Отмечая важную роль республиканских традиций вообще для современного европейского революционного движения, В. И. Ленин указывал на декабристов как на продолжателей традиций Французской буржуазной революции конца XVIII в. в европейском масштабе и как на первых носителей республиканских идей в России. «На нашу долю (если не говорить о давно забытых республиканских идеях декабристов), на долю социал-демократов, — писал В. И. Ленин в 1902 г., — выпало распространить требование республики в массе и создать республиканскую традицию среди русских революционеров»⁴⁶. Это положение В. И. Ленина подчеркивает значение отношения первых русских революционеров к политическим вопросам и их весьма радикальных политических выводов.

Уроки западноевропейских революций были учтены декабристами и при разработке внешнеполитической программы будущего революционного правительства России. Понимая, насколько актуальной является задача обороны революционных завоеваний от внешних контрреволюционных сил, декабристы наметили широкий план действий. Они выступали за создание федерации балканских государств, за укрепление связей с революционными странами Запада, то есть подготавливали программу совместной борьбы за упрочение революционных завоеваний в Европе. Новые принципы внешней политики, выдвигаемые декабристами, были четко сформулированы в одном из положений «Русской правды», не сохранившемся, но дошедшем до нас в изложении М. П. Бестужева-Рюмина: «Министр внешних сношений должен был все способы давать народам европейским для введения у них представительного правления». Предполагалось «на поприще политическом явиться с самыми благонадежнейшими видами для всех народов Европы»⁴⁷.

В проектах социально-экономических преобразований, разработанных декабристами, не только нашло отражение знание ими европейских социальных трактатов и социальных утопий, но и ярко проявились самобытность, оригинальность их воззре-

⁴⁵ И. Д. Якушкин. Из записок. «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов». Т. I. М. 1951, стр. 127.

⁴⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 319.

⁴⁷ «Восстание декабристов». Т. IV, стр. 212; т. IX. М.—Л. 1950, стр. 59. О критике декабристами контрреволюционной внешней политики Александра I см.: М. И. Ковальская. Указ. соч., стр. 239—244.

ний. А. И. Герцен, анализируя историю развития революционных идей в России и обращаясь ко времени декабристского движения, подчеркивал, что в период после Французской буржуазной революции социальные вопросы мало кого занимали в Европе. Идеи Гракха Бабефа были во многом забыты, идеи социалистов-утопистов еще не получили значительного распространения, французские либералы старались обойти острые социальные проблемы, а карбонарии, ставившие перед собой прежде всего политические задачи, социально-экономическим вопросам уделяли мало места. Нерешенность аграрного вопроса в европейских революциях стала одной из причин их поражения. В России же, где проблема ликвидации крепостничества была средоточием всей идеологической и политической борьбы как XVIII, так и XIX в., социальные проблемы постоянно стояли в центре внимания. Они были кардинальными и для первых русских революционеров. А. И. Герцен, характеризуя прогрессивность социальных планов декабристов, справедливо замечал, что «самые видные либералы того времени — Бенжамены Констаны, П. Л. Курье — встретили бы негодующими криками предложения Пестеля, предложения, сделанные не в клубе, членами которого были пролетарии, но перед большим обществом, целиком состоявшим из самых богатых дворян. Пестель предлагал этим дворянам добиваться, пусть даже ценой жизни, экспроприации их собственных имений»⁴⁸.

Уничтожение крепостного права, ликвидация крупных земельных владений и значительное ограничение помещичьей собственности, сочетание принципов общественной и частной собственности, провозглашенных в «Русской правде», открывали широкие возможности для развития отношений, создающих, по мнению автора, условия для установления большего благоденствия для народа. Многие декабристы, осмысливая путь, по которому пошло развитие ряда европейских стран после буржуазных революций, подходили уже к пониманию нерешенности этими революциями задач прежде всего в социальном плане и выступали с некоторыми критическими замечаниями по поводу несправедливостей и несовершенства нового, буржуазного строя. Как подчеркивал Пестель еще в первой редакции «Русской правды», там, где «аристократия богатств» заменила «аристократию феодализма,.. народы не только ничего не выиграли, но даже напротив того в некотором отношении еще в худшее приведены политическое положение, ибо в насильственную поставлены зависимость от богатых»⁴⁹. Поэтому Пестель и его единомышленники, разрабатывая программу политического и социально-экономического переустройства России, пытались искать, согласно «Русской правде», такую форму будущего строя, которая включала бы рациональные достижения западной цивилизации, но помогла бы избежать господства «аристократии богатств». По их представлению, претворение в жизнь республиканской программы могло привести к развитию таких порядков в России, при которых царствовали бы «пламенная любовь к отечеству, свобода, ничем и никем не ограниченная, кроме закона, полное благосостояние народа»⁵⁰. В действительности же решительная ломка самодержавно-крепостнических отношений в России, намеченная Пестелем, хотя и освобождала страну от старого строя, но объективно расчищала путь как раз для капиталистического развития России.

Рассмотрение вопросов, связанных с отношением декабристов к идеям западно-европейских революций начала 1820-х годов, раскрывает углубленное изучение ими опыта этих революций, особенно их исхода, при выборе тактики военной революции в России и при разработке своей революционной социально-политической программы. Критически проанализированные и осмысленные, эти идеи отчасти способствовали формированию оригинальной декабристской идеологии, взращенной на национальной, русской почве. Отклики декабристов на революционные события на Западе свидетельствуют также о том, что декабристы горячо сочувствовали всем европейским народам, поднимавшимся на революционно-освободительную борьбу.

⁴⁸ А. И. Герцен. Собрание сочинений. Т. VII. М. 1956, стр. 199.

⁴⁹ «Восстание декабристов». Т. VII. М.—Л. 1958, стр. 189.

⁵⁰ А. П. Беляев. Указ. соч. «Русская старина», 1881, № 3, стр. 492.